

Келлог Д. Какой из двух (более) оригинален, и Играет ли это вообще какую-то роль? (Комментарий на статью А. Ясницкого «Когда б вы знали, из какого сора...»: к определению состава и хронологии создания основных работ Выготского) // *Психологический журнал* Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2011. – № 4. <http://www.psyanima.ru>.

**Какой из двух (более) оригинален,
и Играет ли это вообще какую-то роль?
(Комментарий на статью А. Ясницкого «Когда б вы знали, из
какого сора...»: к определению состава и хронологии создания
основных работ Выготского)**

Д. Келлогг

В этом очерке его автор комментирует расхождения его сравнительного исследования русского и английского текстов работы Выготского "Орудие и знак в развитии ребенка" (см. Kellogg, D. Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development, этот номер) с исследованием на ту же тему А. Ясницкого (этот номер). Автор очерка призывает читателя к продолжению диалога и продолжению критического исследования текстов Выготского.

Ключевые слова: *Выготский, текстология, анализ текста, перевод, публикации, фальсификации.*

Александр Лурия, который печально известен использованием своего «сопряженного моторного» метода при создании детектора лжи, сравнивает психолога со следователем (а police detective) (See Levitin, 1982: 179). Выготский также делал такое сравнение и подчеркивал, что в то время, когда мы в ходе экспериментального исследования предлагаем его участникам производить определенные словесные или локомоторные действия, «испытуемый больше не свидетель, дающий показание о преступлении, очевидцем которого он был (его роль прежде), а сам преступник и — что самое важное — в самый момент преступления» (Выготский, 1926/1982, с. 51).

Как всегда Выготский ухватывает принципиальное сходство и в то же время указывает на важнейшее отличие: психолог не только наблюдает следы прежних событий; вместе с участниками экспериментального исследования или клиническим пациентом психолог в действительности создает новые данные. Эта ситуация очень отлична от той, в которой находится текстолог: задача, к которую попытались решить Антон Ясницкий и я, была

противоположной, т.е. отделить наслоения новых данных на тексте и установить изначальные намерения автора, язык оригинала и даже, более того, подлинное авторство текста.

Могло бы показаться, что эта задача вполне проста. И в самом деле: имеется английский текст и носитель языка. С другой стороны, имеется русский текст и еще один носитель языка. Все, что мы, казалось бы, должны сделать, это прочитать оба текста, сравнить наши наблюдения и принять решение о том, какой из этих двух текстов звучит как оригинал, а какой—как перевод, и, таким образом, мы сможем установить был ли это английский текст, переведенный с русского, или это был русский текст, появившийся в результате обратного перевода с английского.

Однако, как вы видите, мы пришли к диаметрально противоположным выводам: русскоязычный исследователь предпочел английский текст, а англоязычный—русский. Ясницкий утверждает, что английский текст ближе к оригинальному авторскому замыслу, в то время как я здесь представляю скромные данные, которые, на мой взгляд, подталкивают к обратному утверждению. Хотя обе рукописи имеют следы манипуляций с текстом, небуквальные повторы в русском варианте, на мой взгляд, выглядят как авторские, а не редакторские, а потому весь текст похож скорее на черновик в развитии, чего нельзя сказать об английской версии.

И все же, наибольшее расхождение между нашими интерпретациями, я полагаю, вовсе не текстологическое. Ясницкий считает, что Выготский рассматривал *Орудие и знак в развитии ребенка* как второстепенную, сравнительно незначительную свою работу, которую ее автор не планировал публиковать. Я же считаю, что эта книга, сыгравшая ключевую роль в эволюции теоретических положений Выготского, не только планировалась к публикации, но и активно продвигалась в качестве заграничной публикации, что само по себе было достаточно рискованным шагом в то время, и степень рискованности такой публикации возрастала со временем, и что, наконец, эта работа остается для нас основной и по сей день.

Важность этой работы обусловлена отчасти—но, подчеркиваю, лишь отчасти—тем, что она дает нам ключ к пониманию творческого процесса Выготского как автора: мы начнем понимать процесс порождения текста Выготского как в высшей степени диалогический и фрагментарный (по той причине, что другая сторона диалога разделена между коллегами и оппонентами), но в то же время и в высшей степени избыточный, как свидетельство имитации (*imitation*) (и даже само-подражания) и вариации (*variation*). Также отчасти важность этой работы вызвана тем тектоническим сдвигом в карьере Выготского, который проходил как раз в то время, когда стало необходимо полностью отказаться от идеи, что мышление может быть сведено лишь к внимательному наблюдению реакций (*responses*) на стимулы в лабораторных условиях. Но, как мне кажется, более всего важно то, что *Орудие и знак* (а также рукописи, которые, как указывает Ясницкий, известны под несколько неточным названием «История развития высших психических функций») имеют большое значение и в наши дни.

Во-первых, здесь мы находим переопределение труда (авторы отрицают, что труд ограничительно связан с удовлетворением потребностей из окружающей среды). Во-вторых, все работа демонстрирует фундаментально диалектический подход к развитию (авторы настаивают, что он всегда раскрывает потенциал, который не существует с самого начала, и, таким образом, превосходит нативизм и адапционизм).

Наконец, здесь есть его «инструмент и результат», обсуждение методологических вопросов в пятой главе, где авторы открывают анализ, который Выготский продолжает во

второй главе *Истории развития высших психических функций*, в которой раскрывается положение о том, что психологический эксперимент по изучению активного использования знаков не может быть основан на исследовании стимулов и реакций, потому что человек, использующий знак, не пассивный объект исследования, а активный субъект, который может меняться местами с исследователем и, собственно, зачастую так и поступает в ходе экспериментального исследования.

Я полагаю, что без этой работы ни *Педология подростка* ни *Мышление и речь* не могли бы быть задуманы, не говоря уже о том, чтоб быть написанными, и причины, по которым эти две книги были опубликованы, а две другие, т.е. *Орудие и знак* и *Истории развития высших психических функций*, при жизни Выготского опубликованы не были, вероятно говорят в большей степени в пользу, нежели против аргумента о важности этих двух неопубликованных работ.

Но в то же время я не могу не признать, что наши данные строго ограничены самим текстом, по крайней мере на настоящий день, и наша детективная работа по изучению этих данных завершена. Теперь пришло время вам, читателям (а потому в данном случае одновременно судьям и коллегии присяжных) ознакомиться с материалами и вынести свой вердикт.

Литература:

1. Levitin, K. (1982) *One is not born a personality*. Moscow: Progress.
2. Выготский, Л. С. (1926/1982). Методика рефлексологического и психологического исследования // Выготский, Л.С. Собрание сочинений. Том первый. Вопросы теории и истории психологии (с. 43-62). Москва: Педагогика.

Поступила в редакцию: 20.01.2012 г.

Сведения об авторе

Д. Келлогг (D. Kellogg) – преподаватель Университета иностранных языков Ханкук (Hankuk University of Foreign Studies), Республика Корея.
E-mail: vaughndogblack@yahoo.com